

«...Чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу)...»

Отношение П. М. Третьякова к деньгам, вернее, к денежным тратам, было сложным и время от времени вызывало недоразумения в отношениях с членами семьи. Зато, благодаря этому, мы знаем о его мыслях по этому поводу: они сохранились в письмах к родным. Так, осенью 1892 г. он вынужден был объяснять жене: «Ведь я не скуп, где нахожу нужным. <...> Я трачу на картины – тут цель серьезная, <...> деньги идут трудящимся художникам, которых жизнь не особенно балует; но когда тратится ненужным образом хотя бы рубль – мне это досадно и это раздражает меня»¹.

Именно благодаря необходимости в очередной раз объяснить свое отношение к собственным капиталам, в письме дочери Александре от 24 марта 1893 г. по поводу приданого П. М. Третьяков писал: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях»².

Широко известны значительные пожертвования Павла Михайловича на содержание московских «полезных учреждений», в первую очередь училища глухонемых. Гораздо менее известны расходы на обустройство жизни рабочих костромской фабрики. Александра Павловна Третьякова, в замужестве Боткина, уделила этой стороне благотворительной деятельности отца только один абзац: «Павел Михайлович часто посещал ее, и под его влиянием и по его мысли были устроены образцовая школа, больница, родильный приют, ясли и потребительское общество. Эта фабрика считалась одной из самых передовых и благоустроенных»³. Собственно, сдержанность автора объяснялась отчасти временем: в 1937 г. когда начиналась работа над книгой, писать о «хороших» фабрикантах было не только не принято, но и опасно, лучше об этом было вообще не упоминать.

Почти в те же годы (1936–39), но на противоположной стороне земного шара, в Нью-Йорке, работала над своими воспоминаниями другая дочь Павла Михайловича, Вера Павловна, в замужестве Зилоти⁴. У нее не было под руками семейного архива, но зато не приходилось учитывать политическую конъюнктуру. Однако и она лишь раз обращается к костромской фабрике, которую они с сестрой Александрой посетили в возрасте 9–10-ти лет: «Фабрика произвела на нас громадное впечатление: машины, как громадные сказочные драконы, шипели и наводили на нас почти что ужас. Никогда не забуду лиц многих рабочих, особенно

подростков в “чесальне”. Рты были у них завязаны пряжей, как лентой. Какая забота была всегда для Павла Михайловича и друга его Константина Яковлевича Кашина – удаление льняной пыли в чесальнях.

Фабрика Костромской льняной мануфактуры была чуть ли не целым городом: было рабочих с их семьями около 5 000 или это мне теперь так представляется? Помню большие избы и дома для рабочих, читальню, школы, больницы – все осталось в памяти как что-то грандиозное. Никогда более я там не бывала⁵.

Вера Павловна была ровесницей фабрики – Устав Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры был утвержден в год ее рождения, в декабре 1866 г. Значит, приезжала она на фабрику с сестрой в 1876–1877 гг. Это действительно было время, когда производство, начинавшееся с 4 804 веретен и 22 ткацких станков, встало «на крыло», число веретен и станков удвоилось, прибыль стабилизировалась. Можно было подумать и об организации быта рабочих.

Начали с организации двухклассного училища, которое открылось при фабрике в 1871 г. – разрешение Министерства народного просвещения было получено 5 сентября того же года⁶. Через три года было возбуждено и удовлетворено ходатайство о предоставлении выпускникам училища «льгот при отбытии всеобщей воинской повинности». При этом было учтено и высокое качество преподавания, и то, «что учредители, отпуская ежегодно на содержание этого училища до 1200 рублей, снабжали и снабжают оное всеми нужными книгами, учебными пособиями в весьма достаточном количестве и при том по указанию инспектора, ныне директора народных училищ»⁷.

В 1874 г. директор фабрики, К. Я. Кашин, обратился с просьбой об открытии при училище еще и воскресной школы, «желая дать возможность работающим на фабрике Товарищества Новой Костромской Льняной Мануфактуры лицам мужского и женского пола приобрести первоначальные знания в Законе Божием, чтении русском и славянском, в счислении и чистописании»⁸.

В 1870-е гг. началось и возведение больницы⁹, положившей начало строительству целого больничного городка. В 1887 г. для нее возводится новое здание, которое в 1897 г. было расширено, и одновременно с тем шло строительство заразного отделения¹⁰. В 1896 г. комплекс был дополнен зданием родильного приюта¹¹.

В 1911 г. в больнице официально числилось 35 коек, в родильном приюте 12 коек, в заражном бараке – 12, причем число отделений, каждое из которых было рассчитано на одно инфекционное заболевание, постоянно увеличивалось. Кроме того, велся огромный амбулаторный прием и

работала аптека с бесплатной для занятых на фабрике выдачей лекарств¹². Лекарства, по давнему обычаю, завезенному на фабрике, выдавались фельдшерами по просьбе больных. Автор отчета отмечал: «Сознавая вполне ненормальность такой бесплатной необоснованной раздачи лекарств, в то же время затрудняешься прекратить такой обычай, имея ввиду полное уравнение всех видов служащих и рабочих и могущие быть недовольства»¹³. В 1909 г. посчитали, оказалось, что лекарства таким образом были отпущены 17 866 раз, а общее число амбулаторных посещений достигло 19 548. Но и при этом речь шла только о том, чтобы регулировать выдачу всем в равной мере контролем врача «в виде его подписи или, наконец, определению фельдшером целесообразности требования»¹⁴.

Регулярная публикация отчетов по благотворительным заведениям фабрики играла роль «обратной связи». Администрация узнавала о проблемах и прилагала усилия к их разрешению. Так, в отчете за 1909 г. доктор И. Кузнецов отмечал, что «в зимние месяцы больница бывает переполнена и приходится мириться с теснотой помещения, не имея возможности отказать тяжкобольному в коечном лечении, хотя и в коридоре»¹⁵.

Через несколько лет, в 1912 г., здание больницы и родильного приюта было благоустроено, проведен ремонт, электрификация, подведена ветка водопровода¹⁶. «Больничные двор засажен деревьями, цветами и производит впечатление культурной местности, а не голого пустыря, каким в былое время представлялось пространство, разделяющее больничные здания»¹⁷.

Тот же врач И. Кузнецов отмечал: «Администрация фабрики по-прежнему всегда шла навстречу всем мероприятиям врачей, а в отношении внешнего благоустройства зданий и окружающего здания мест опережали часто наши пожелания. И если все сделано в отношении внешнего и внутреннего благоустройства лечебных заведений фабрики, то надо ожидать, что очередь дойдет и до тех уже улучшений, которые касаются усовершенствования, подновления знаний врачей и фельдшеров»¹⁸.

Мировая война внесла свои коррективы: под лазарет для раненых было отдано здание училища¹⁹. В экспликации к плану по оценке владений Товарищества НКЛМ, выполненному в самом начале 1916 г., в здании училища значится «лазарет каменный двухэтажный», «родильный приют деревянный одноэтажный», «больница полукаменная двухэтажная», «аптека на каменном полуподвале 1-этажная», «заразный барак 1-этажный»²⁰.

В декабре 1898 г. при фабрике были устроены ясли. Они располагались во дворе, у входных ворот, в здании, из которого только что перебралось в новое помещение фабричное училище. Воображение посетителей поражали электричество и водопровод, устройство для подогрева воды, специальное помещение, предназначенное для кормления детей их матерями,

стерилизованное молоко... Автор (статья подписана «Ив.», но по контексту можно предположить, что это известный всему городу Ив. Сав. Иванов) заканчивает статью словами: «В заключение считаю своим приятным долгом заявить, что руководительница яслей женщина-врач А. А. Радванская своим теплым отношением к делу, своею любовью к помещенным в ясли малюткам, из коих старшие не отходили от нее во все время нашего пребывания в учреждении, произвела самое отрадное впечатление и укрепила сознание, что польза, приносимая яслями, несомненно, велика»²¹.

Наряду с этим были построены несколько зданий рабочих общежитий – по обычаю того времени их называли «сборными». Наряду с построенной в 1896–1897 гг. «большой» сборной была и «малая»²². В 1898 г. было получено разрешение на возведение бани, что было особенно важно для работающих в пыльных цехах²³.

Все вместе благотворительные заведения БКЛМ действительно составляли целый городок, предназначенный для облегчения жизни рабочих и членов их семей. Мечта П. М. Третьякова исполнялась и его наследниками.

¹ Цит. по: А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве / Гос. Третьяковская галерея. М.: Искусство, 1993. С. 264–265.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 272.

⁴ Зилоти В. П. В доме Третьякова / Гос. Третьяковская галерея. М.: Искусство, 1998.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ ГАКО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 98. Л. 16 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Лл. 13–13 об.

⁹ ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 138; Ф. 207. Оп. 1. Д. 2180.

¹⁰ ГАКО. Ф. 137. Оп. 2. Д. 5824.

¹¹ ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1532.

¹² Отчет благотворительных учреждений Товарищества Новой костромской льняной мануфактуры за 1911 год. Кострома, 1912. С. 3 (далее – Отчет... за... год).

¹³ Отчет... за 1909 год. С. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Отчет... за 1912 год. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁶ Отчет... за 1915 год. С. 16.

²⁰ ГАКО. Ф. 207. Оп. 1, т. 2. Д. 6409. Лл. 11–12.

²¹ Ив. Детские ясли // Костромской листок. 1899. 3 янв. № 2. С. 3.

²² ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1727.

²³ ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1927.